

Андрей Евдокимов

**«...Вещь может быть славная»:
Вопросы творческой истории драмы Н.В. Гоголя
об украинском казачестве**

В творчестве Н.В. Гоголя, хорошо изученном за более чем полтора столетия, есть несколько произведений, которые редко привлекают внимание исследователей. К таковым относится драма на сюжет из украинской истории, якобы имевшая название «Выбритый ус» [Гоголь, 1889а: 663–664].

Написанная в конце 1830-х – начале 1840-х гг., драма была уничтожена автором, разочаровавшимся в своем творении. О существовании этого произведения знали лишь немногие в окружении писателя до 1861 г., когда первый биограф Гоголя П.А. Кулиш опубликовал уцелевшие фрагменты пьесы и коротко рассказал об обстоятельствах ее создания [Кулиш, 1861]. В нашем распоряжении находится немного свидетельств ее существования. Судить о работе над ней мы можем, опираясь на письма автора и мемуары его современников. В итоге драма (единственная в творчестве Гоголя на материале отечественной истории), по-видимому, разделила участь многих других трудов писателя, которые он счел неудавшимися. Произведение, которому предрекалось «славное» будущее, автор предал огню.

Уничтоженная историческая пьеса Гоголя ставит перед исследователями ряд сложных проблем. За прошедшие с того времени полтора столетия значительно расширился корпус отрывков, относимых к драме об украинском казачестве [Гоголь, 1889б; Гоголь, 1949; Гоголь, 1994; Гоголь, 1996], предприняты попытки реконструировать сюжет этого произведения [Каманин, 1911; Карпук, 1997]. История его создания также неоднократно становилась объектом изучения, поскольку она тесно связана с проблемами воссоздания сюжета пьесы и определения ее места в гоголевском творчестве. Однако специальных работ, посвященных этому вопросу и охватывающих все основные документы, насколько нам известно, пока нет. В данной статье мы предпримем попытку запол-

нить этот пробел и рассмотрим наиболее важные вопросы творческой истории драмы из украинской истории, опираясь прежде всего на тексты Гоголя и свидетельства его современников, а также на основные научные труды, посвященные уничтоженной исторической драме.

1

Говоря о начальном этапе работы над драмой, нужно признать, что история литературы пока не располагает достаточно точными сведениями об этом. Причины такого положения вещей кроются в личности Гоголя. Корреспонденция, свидетельства современников и, наконец, произведения самого писателя показывают, что он не любил посвящать других людей в детали творческого процесса. Не следует, кроме того, забывать о ранимости и скромности Гоголя, которые, наряду с критическим отношением к себе и своей деятельности, берут начало в христианском мировоззрении писателя. Имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о его жизненном пути, равно как и о литературном творчестве, далеко не полны и требуют обстоятельной проверки по другим источникам. Зачастую недостаток информации препятствует точной оценке тех или иных фактов, касающихся творчества писателя. Все сказанное справедливо по отношению к предмету настоящей статьи – драме об украинском казачестве.

Итак, дата начала работы над этим не полностью сохранившимся произведением пока остается неизвестной, поскольку ни сам Гоголь, ни современники, не оставили никаких прямых свидетельств. Тем не менее, есть документы, которые позволяют приблизительно установить время появления этого замысла. Нельзя не упомянуть здесь значительный вклад И.А. Виноградова [Гоголь, 1996: 548–553], указавшего на ряд интересных источников, выпавших из поля зрения исследователей гоголевской биографии.

Создание исторической драмы не представляется возможным без изучения документов, засвидетельствовавших соответствующую эпоху. В нашем случае речь идет, по всей видимости, об эпохе особенно напряженного противостояния казаков и шляхты (XVI–XVII вв.). Вместе с тем, по мнению отдельных исследователей, действие драмы нужно относить к эпохе Петра I [Катранов, 1909: 53].

Гоголь, как известно, был чрезвычайно увлечен историей, некоторое время преподавал, сохранились его статьи и конспекты. Главным источником исторических сведений для него был фольк-

лор, который он предпочитал сухим и безжизненным летописям. Народные песни вызывают восхищение Гоголя: «Моя радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!» [Гоголь, 1940: 284] «Страстно любимые им народные песни, его главный источник, по крайней мере, в смысле влияния на его душу, естественно представляют жизнь с ее поэтической стороны», – писал биограф Гоголя [Шенрок, 1893: 40].

Несомненно, интерес к народному творчеству рано просыпается в молодом Гоголе. Знакомство Гоголя со сборниками народной поэзии началось еще в раннем детстве, когда он получил возможность читать книжки из библиотеки Д.П. Трошинского [Каманин, 1902: 77]. В нежинской Гимназии высших наук он начинает вести «Книгу всякой всячины», на страницах которой записывает самые разнообразнейшие фольклорные произведения, в том числе и песни [Сперанский, 1902: 19 и сл.]. Также Гоголь имел возможность пополнить свои знания о малороссийском быте благодаря собранным Максимовичем песенным материалам (с ними писатель познакомился еще до публикации второго, расширенного издания «Малороссийских песен»).

К середине 1830-х гг. писатель располагал огромным собранием малороссийских песен, насчитывавшим более 1000 произведений. Это собрание, как указывают исследователи, составилось в основном благодаря песням, присланным Гоголю сестрой и матерью, теткой Катериной Ивановной, а также, видимо, приживалками [Георгиевский, 1908: 8; Марков, 1908: 167]. В гоголевских тетрадах находятся малороссийские песни (большая часть, неоднократно привлекавшая внимание специалистов) и великорусские (в происхождении которых много неясного) [Марков, 1908: 168]. С.А. Красильников установил происхождение части малороссийских песен. Писатель, как убедительно показывает исследователь, пользовался изданиями Waclaw'a z Oleska "Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego" и «Малороссийскими и червонорусскими народными думами и песнями» Платона Лукашевича, а также рукописными материалами З. Доленги-Ходаковского [Красильников, 1936: 379–380, 387, 397].

Гоголь имел немалый собирательский опыт и достиг «весьма заметных и даже крупных результатов» [Георгиевский, 1908: 3]. Он дает советы своему другу и коллеге М.А. Максимовичу, который, видимо, ими «очень дорожил» [Соколов, 1909: 85]. Слава фольклориста-

любителя доходит даже до графа С.С. Уварова. Министр народного просвещения обращается к Гоголю с просьбой написать отзыв на сборник «Запорожская старина» И.И. Срезневского [там же: 89]. Собрание фольклорных материалов продолжает пополняться до середины 1830-х гг. [там же: 80; Георгиевский, 1908: 10].

Вскоре после премьеры «Ревизора» Гоголь отправляется в путешествие по Европе. Решение это, впрочем, не было внезапным: мысль о поездке возникает у писателя задолго до 6 июня 1836 г., дня, когда он покидает Россию. Отъезд, однако, был омрачен неудачной постановкой комедии «Ревизор».

Заграничное путешествие, очевидно, сглаживает воспоминания о неприятностях на Родине, и Гоголя вновь посещает вдохновение. Результатом напряженной работы становятся такие произведения, как «Шинель», «Рим», «Игроки», «Мертвые души». С 1836 по 1842 г. создаются новые редакции «Портрета», «Тараса Бульбы» и «Ревизора», которые показывают, насколько вырос литературный талант Гоголя и насколько зрелыми стали его взгляды на жизнь. Произошедшие перемены находят отражение в письмах и воспоминаниях современников. Именно в этот насыщенный и плодотворный период писатель приступает к созданию драмы из украинской истории.

26 марта 1837 г. н. ст.* Гоголь впервые видит Рим – город, который произведет на писателя неизгладимое впечатление и фактически станет его «второй Родиной». Один из биографов писал: «В Риме Гоголь нашел, наконец, после долгих скитаний, тот родной уголок земли <...>, где ему дышалось хорошо и привольно и откуда не тянуло его даже в родную Украину» [Шенрок, 1895: 171].

В том же 1837 г. Гоголь неоднократно просит Н.Я. Прокоповича прислать свои оставшиеся в России бумаги. Среди них находилось то самое рукописное собрание малороссийских песен. 3 июня 1837 г. н. ст. Гоголь пишет своему гимназическому приятелю и другу: «<...> нужно тебе все рукописные мои книги, которые находятся в моей библиотеке в связках, сложить в ящик, запаковать и отправить ко мне. Мне очень нужны они, и без них я как без рук. Там у меня выписки и материалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дело» [Гоголь, 1952а: 101]. О том, какие это были бумаги, становится известно из письма к тому же адресату от 2 ноября 1837 г. н. ст.: «Я тебя просил выслать мне

---

* Даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по старому стилю.

мои рукописи – все совершенно, без исключения. Пожалуйста, не позабудь этого исполнить. Они мне совершенно все нужны, в том числе, вместе с ними, есть и печатные экстракты из дел и докладные записки, и малорос<сийские> песни; всё это перешли» [там же: 116]. Прокопович медлил с высылкой материалов, и Гоголь снова напоминает ему об этом в письмах от 15 апреля [там же: 134] и 2 июля 1838 г. н. ст. [там же: 162]. Эти документы писатель получает в конце 1838 – начале 1839 гг. [Гоголь, 1994: 614].

Идея написать историческую драму, как считают оставившие воспоминания современники и исследователи, появляется у Гоголя под влиянием грандиозного величия древнего Рима. До второй половины 1839 г. мы почти ничего не знаем о литературных занятиях писателя. Это может объясняться недостаточной изученностью итальянского периода жизни и творчества Гоголя. Хотя мы располагаем сведениями, что писатель не прекращает занятий историей. А.И. Тургенев записывает в дневнике 23 октября 1838 г. н. ст. в Париже: «<...> Поутру был у Гоголя – пишет русскую историю в политическом отношении, объяснял происхождение русских городов и пр.» [Гиллельсон, 1963: 138].

Интересно, что до 1841 г. Гоголь ничего не сообщает о создании новой редакции «Тараса Бульбы». Именно поэтому Ю.Г. Оксман предположил, что «неожиданное обращение Гоголя к родной старине связано было исключительно с задуманной трагедией из истории Запорожья, и лишь неудача последней, не ранее конца 1840 г., определила частичное перемещение подготовленного для драмы материала в новую редакцию “Тараса Бульбы”» [Оксман, 1926: 50]. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть эту немаловажную для изучения гоголевской исторической драмы гипотезу, необходимо специальное исследование, которое пока не было предпринято.

Более года Гоголь ожидает бумаги, которые нужны ему для продолжения работы. За это время он осматривает достопримечательности старейших городов Италии, заводит немало интересных знакомств. Из содержания майских и июньских писем 1839 г. можно заключить, что Гоголь переживает приступ уныния, вероятно связанный с обострением болезни. Затем Гоголь покидает Рим и отправляется на воды в Австро-Венгрию. В болезненном состоянии, скорее всего, он не работал либо трудился совсем мало, поскольку о чтении малороссийского фольклора мы узнаем из писем датируемых летом-осенью 1839 г.

Уже получив необходимые документы от Прокоповича, 15 августа 1839 г. н. ст. Гоголь сообщает М.П. Погодину: «Малоросси<йские>

песни со мною. Запасуюсь и тщусь сколько возможно надышаться стариной» [Гоголь, 1952а: 240–241]. Автор письма осторожен и не сообщает известному историку и журналисту о причинах своего интереса к малороссийским древностям. Заметим, что в течение долгого времени общим местом в гоголеведении было утверждение, что исторические труды писателя (лекции, статьи) не представляют большого научного интереса. Установилось мнение, что Гоголь занимался историей поверхностно и его взгляды были неглубокими. Так, В.И. Шенрок писал о гоголевских занятиях историей на рубеже 1830-х–40-х гг.: «<...> он серьезнее принялся теперь за изучение украинской истории, нежели прежде, в былые времена своего профессорства, когда он, по-видимому, вовсе еще не приступал к работе по источникам; хотя, впрочем, и теперь его исторические занятия были, конечно, не ученые, не основанные на отыскании и изучении архивных данных, а чисто литературные, в пределах необходимых и полезных для его художественного создания» [Шенрок, 1895: 454–455]. Однако недооценка занятий Гоголя историей мешает прочтению произведений с точки зрения его творческой эволюции. Изучение исторических взглядов Гоголя, представляющих значительную научную проблему и заслуживающих монографического исследования, еще впереди [Виноградов, 2001: 4 и сл.].

В письме С.П. Шевыреву от 25 августа н. ст. писатель делится впечатлениями о прочитанном: «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навели их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается» [Гоголь, 1952а: 241]. Украинский фольклор, по мнению П.Д. Карпука, мог стать единственной основой гоголевской концепции истории [Карпук, 1997: 582]. В письме тому же корреспонденту 10 сентября н. ст. Гоголь рассказывает о возникших затруднениях: «Труд мой, который начал, не идет; а, чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны? Подожду, посмотрим. Я надеюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обдelyвал в дороге» [Гоголь, 1952а: 248].

Действительно, возможность обдумать незаконченные произведения в дороге скоро представилась. Гоголь собирался в Россию, чтобы принять участие в судьбе своих сестер. О том, насколько плодотворными были его путевые размышления, можно судить лишь приблизительно. Поскольку более в письмах Гоголь не возвращается к этой теме, то мы вынуждены положиться на наблюдения С.Т. Аксакова. В «Истории моего знакомства с Гоголем» он писал: «Невинная выдумка возвращала Гоголю полную свободу, и он, подняв воротник шинели выше своей головы (это была его любимая поза), всю дорогу читал потихоньку Шекспира или предавался своим творческим фантазиям» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 136].

Письмо Жуковскому, датированное (задним числом) 12-м сентября, выражает уверенность писателя, труд которого близится к завершению: «Я проживу у него (Погодина. – А. Е.) месяц, затворясь от всех и от всего. Мне нужно окончить мою некоторую работу». Последние слова, по-видимому, означают драму из украинской истории. Письмо это интересно еще и тем, что показывает, как Гоголь старается перенять пушкинский опыт литературной деятельности. В процитированном выше письме к Шевыреву он пишет: «<...> я... странное дело, я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению, когда не с кем переговорить, когда нет у меня между тем других занятий и когда я владею всем пространством времени, неразграниченным и неразмеренным» [Гоголь, 1952а: 247].

По прибытии в Москву 17 сентября 1839 г. Гоголь останавливается у М.П. Погодина и, по-видимому, снова берется за работу над исторической драмой. К.С. Аксаков в письме к братьям Григорию и Ивану от 30 сентября 1839 г. сообщал: «Гоголь написал много, но это секрет: он не любит, чтоб ему говорили о его сочинениях. Мы все осторожны на этот счет. Он и теперь собирается писать что-то» [Литературное наследство, 1952: 564]. В последнем процитированном предложении речь, вероятно, идет об исторической драме или же о «Шинели», черновые наброски которых встречаются в венских бумагах Гоголя [Гоголь, 1889б: 677, 680].

Осень 1839 – весна 1840 гг. приносит писателю немало забот. Он приезжает в Москву, чтобы устроить сестер в пансион. Дела писателя расстроены, и он надеется поправить их средствами, полученными за издание новых произведений. Гоголь занимается литературным творчеством и в Петербурге, куда приезжал той же

осенью. Свидетельством этого служит письмо С. Т. Аксакова сыну Константину от 17 ноября 1839 г. [там же: 574], которое позволяет судить о творческом методе писателя: чтобы проникнуться духом времени и его героев, он работает в старинном национальном костюме. Письмо Срезневского из Москвы от 15 октября 1839 г. сообщает: «Щепкин премилый человек; он однажды просидел у меня с Гоголем целый вечер, и мы говорили все о Малороссии, между прочим, читали кое-что из баллад украинских, и думок, и песен» [Путевые письма, 1892: 71]. Из письма О.М. Бодянского к М.П. Погодину от 18 октября 1839 г. н. ст. следует, что Гоголь брал у известного фольклориста П.И. Шафарика «малороссийские и польские песни, изданные Вацлавом из Олеска» [Письма к Погодину, 1879: 104].

Один из источников, который сообщает о работе над исторической драмой, – «История моего знакомства с Гоголем» С.Т. Аксакова. 30 ноября 1839 года Гоголь делится своими творческими планами с автором названных записок: «<...> кроме труда, завещанного ему Пушкиным, совершение которого он считает задачей своей жизни, то есть “Мертвые души”, у него составлена в голове трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, до последней нитки, даже в одежде действующих лиц; что это его давнишнее любимое дитя, что он считает, что эта пьеса будет лучшим его произведением и ему будет с лишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 108]. Как уже было сказано, Гоголь очень неохотно рассказывал о своих планах посторонним. То, что писатель раскрыл замысел Аксакову, объясняется, по-видимому, тем, что Гоголь, находясь в непростом положении и получив необходимые средства для устройства сестер, хотел заверить благодетеля в скором возврате долга.

Мемуары Аксакова не дают прямого ответа на вопрос, была ли к этому времени написана трагедия. Та осторожность, с которой Гоголь описал свое произведение, заставляет думать, что нет. Закономерно предположить, что, если бы историческая драма была написана хотя бы вчерне, Гоголь, скорее всего, сказал бы об этом Аксакову. Но если в конце октября 1839 г. существовал только план и самые ранние наброски, то Гоголь не стал бы лгать. Если он только обдумывал ее, то, вероятно, записывал наиболее удачные идеи. Скорее всего, эту стадию работы и отражают сохранившиеся черновые наброски, большинство из которых на листах с

датированной филигранью “J Whatman Turkey Mill 1838” [Гоголь, 1889а: 625; Гоголь, 1889б: 674].

К весне 1840 г. Гоголь сумел справиться с трудностями при участии друзей. Однако его душевное равновесие было нарушено. Спокойной работы у Погодина не получилось, так как последний терзал Гоголя просьбами написать что-нибудь для издаваемого им журнала. В конце января – первой половине февраля Жуковскому удается собрать для Гоголя 4000 рублей, чтобы тот смог вернуться в Рим и продолжить работу над «Мертвыми душами» (см. исполненное искренней благодарности письмо Гоголя [Гоголь, 1952а: 272–273]). 18 мая писатель покидает Россию [Гиппиус, 1999: 451]. Он признается М.П. Погодину (письмо от 17 октября 1840 г. н. ст.): «<...> дорога до Вены по нашим открытым степям тотчас сделала надо мною чудо. Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал» [Гоголь, 1952а: 313].

2

Первые документальные свидетельства существования рукописи драмы из украинской истории относятся к венскому лету 1840 г. С июня – августа начинается новый этап работы над этим произведением: Гоголь пишет первые сцены исторической драмы. В процитированном выше письме он сообщает Погодину: «Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко. О! какая была это радость, если бы ты знал! Сюжет, который в последнее время лениво держал я в голове своей, не осмеливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною в величии таком, что всё во мне почувствовало сладкий трепет. И я, позабывши всё, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу <...>» [там же].

Однако в Вене дает о себе знать прежний недуг (о чем он сообщает в письме к П.А. Плетневу от 30 октября н. ст. [там же: 319]). Проведя мучительное лето, автор исторической драмы переезжает во Флоренцию, а 13 октября н. ст. въезжает в Рим, где ему становится намного лучше. Своими впечатлениями о том, как встретил его Рим, Гоголь делится с С.Т. Аксаковым 28 декабря 1840 г. н. ст.: «Болезнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временам свежесть, мне очень нужную» [там же: 323]. Гоголь не надеется на скорое выздоровление: «Прежние мои предположения сильно разрушились, и

причиною была сильная моя опасная болезнь, в излечении которой отказался доктор, и одна только чудная воля Бога воскресила меня» (к П.И. Раевской, не позднее января 1841 г. [там же: 328]).

К осени 1840 г. Гоголь уже написал некоторое количество сцен и читал их молодому литератору В.А. Панову. Последний поделился впечатлениями с С.Т. Аксаковым в письме от 21 ноября н. ст.: «<...> в одно утро, дней десять тому назад, он меня угостил началом своего произведения! Это будет, как он мне сказал, трагедия. План ее он задумал еще в Вене. Действие в Малороссии. В нескольких сценах, которые он уже написал и прочел мне, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько в действии, сколько в словах, теперь уже совершенство. О прочих судить нельзя: они должны еще обрисоваться в самом действии. Главное лицо еще не обозначилось...» [Гиппиус, 1999: 195]. Комментарий В. В. Гиппиус справедливо поправляет неточность в рассуждениях Панова: «Задумал в Вене, но не в 1840, а в 1839 году <...>» [там же]. О работе над украинскими материалами (в том числе фольклорными) свидетельствует В.А. Панов в письме к К.С. Аксакову: «В Вене в продолжение почти 4-х недель, я видел ясно, что он чем-то занят. <...> он тогда перечитывал и переписывал свое огромное собрание малороссийских песен, собирал лоскутки, на которых у него были записаны поговорки, замечания и проч.» (цит. по [Оксман, 1926: 49]). 15 декабря 1840 г. А.В. Кольцов писал Белинскому: «<...> Боткина брат пишет, что он начал писатель драму; интерес взят из малороссийской истории, и что много написал и скоро кончит» [Кольцов, 1955: 314]. Следовательно, имеется документальное подтверждение того, что Гоголь продолжает прерванную в России работу между 17 июня и серединой июля 1840 г. н. с., когда Панов отправляется в Венецию [Шенрок, 1895: 334]. Дата прибытия в Вену становится известной из письма Панова к К. С. Аксакову от 21 июня/2 июля 1840 г., где сообщается подробность – Панов и Гоголь прибыли в Вену «около полудня» [Литературное наследство, 1952: 592].

О малороссийской драме вспоминал П.В. Анненков, навестивший Гоголя в Италию 28 апреля 1841 г. н. ст. В мае – июне Анненков помогает писателю, записывая под его диктовку первые шесть глав «Мертвых душ» и видит предварительные наброски драмы. В биографической статье «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года» литератор пишет: «Надо сказать, что Гоголь перечитывал в то время “Историю Малороссии”, кажется Каменского, и вот по какому поводу. Он

писал драму из казацкого запорожского быта, которую потом бросил равнодушно в огонь, недовольный малым действием ее на Жуковского: история Малороссии служила ему пособием. О существовании драмы я узнал случайно. Между бумагами, которые Гоголь тщательно подкладывал под мою тетрадку, когда готовился диктовать, попался нечаянно оторванный лоскуток, мелко-намелко писанный его рукою. Я наклонился к бумажке и прочел вслух первую фразу какого-то старого казака (имени не припомню), попавшую мне на глаза и мною удержанную в памяти: “И зачем это Господь Бог создал баб на свете, разве только, чтоб казаков рожала баба...” Гоголь сердито бросился ко мне с восклицанием: “Это что?” – вырвал у меня бумажку из рук и сунул ее в письменное бюро <...>» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 282].

Свидетельство Анненкова очень интересно и заслуживает внимательного рассмотрения. Оно дает возможность рассуждать о том, была ли завершена драма весной – летом 1841 г.

Рассмотрим первую версию: согласно ей произведение уже было написано. Во-первых, Анненков не видел, как Гоголь писал драму из украинской истории. Поэтому можно предположить, что в это время (конец апреля – конец августа 1841 г.) активная работа над драмой уже закончилась. В противном случае Анненков мог что-нибудь заметить. Во-вторых, общение писателя и его помощника было очень тесным: вместе они совершили несколько поездок по городам Италии. Немало времени проводили у знакомых, в том числе художников. Следовательно, у Гоголя было мало возможностей работать вне присутствия Анненкова. В-третьих, «лоскутки» относятся скорее к подготовительным материалам, чем к завершеному тексту драмы. Обрывок попался Анненкову случайно, из-за рассеянности Гоголя, который не собрал уже использованные материалы. Вторая версия представляет ситуацию так, что работа над произведением еще продолжалась, причем параллельно с написанием «Мертвых душ». Во-первых, Анненков видел отрывок текста, с которым работал Гоголь перед самым приходом своего добровольного стенографиста. Во-вторых, свидетельства Анненкова показывают, что он не всегда знал, чем занимался Гоголь, поскольку не все время они проводили в обществе друг друга. Рассмотрев эти *pro et contra*, мы предполагаем, что создание драмы, вероятно, продолжалось летом 1841 г., хотя творческий процесс и не был столь напряженным, как в Вене и Риме во второй половине 1840 г.

Следующий этап творческой истории гоголевской драмы касается завершения работы над этим произведением и его последующим уничтожением.

В августе 1840 г. Гоголь собирается в Москву для того, чтобы подготовить к печати первый том поэмы «Мертвые души». Во второй половине августа писатель уже во Флоренции, оттуда едет в Германию на встречу с В.А. Жуковским. Гоголь намерен просить у поэта, который в течение нескольких лет воспитывал Цесаревича Александра Николаевича, чтобы тот походатайствовал при дворе за художника А.А. Иванова, которому требовались средства для окончания полотна «Явление Мессии». На суд Жуковского, близкого друга и крупнейшего писателя, Гоголь собирался представить историческую драму на сюжет из истории Украины.

Встреча с Жуковским состоялась несколько позже, чем рассчитывал Гоголь. Не застав поэта в Дюссельдорфе, он едет во Франкфурт, где и произошла встреча в сентябре 1841 г. [Жуковский, 2004: 25], до 20 сентября н.ст. (этим числом датируется письмо Гоголя А.А. Иванову из Ганау, куда он поехал из Франкфурта [Гоголь, 1952а: 344]). Дневники Жуковского за 1841 г. долгое время считались утраченными [Оксман, 1926: 56], и лишь недавно стали доступными исследователям. О встрече с Гоголем в записях за этот год не сказано ни слова.

О событиях во Франкфурте, касающихся драмы из украинской истории, известно из нескольких источников. Суть их можно свести к одному: некая историческая драма не заинтересовала Жуковского, он даже заснул, слушая ее, поэтому Гоголь счел ее неудачной и тотчас же бросил в огонь. Рассказ об этом трагическом для Гоголя эпизоде сохранился в воспоминаниях современников. Интересно, что точно неизвестно, была ли это та самая историческая драма (Гоголь ведь мог написать несколько различных текстов на одну тему), поскольку имеющиеся у нас сведения о ней необычайно скудны. Однако именно эта версия событий не без основания преобладает: «<...> т<ак> к<ак> Гоголь не написал вообще ни одной трагедии или драмы, то читанная во Франкфурте, вероятно, та украинская трагедия, следы которой он нашел» [Катранов, 1909: 52].

Рассмотрим широко известные свидетельства о драматических событиях, сопровождавших встречу Гоголя и Жуковского осенью 1841 г.

Цензор А.В. Никитенко писал: «Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать какую-то вновь написанную им пьесу и сказать о ней свое мнение. Это, кажется, было за границей, в Дюссельдорфе, где находился Жуковский. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножко подремать. Не в состоянии бороться с своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон. Наконец, он проснулся. – “Вот видите, Василий Андреевич, – сказал ему Гоголь, – я просил у вас критики на мое сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика”. И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин. Этот анекдот передал мне Ф.В. Чижов со слов самого Гоголя» [Вересаев, 1990: 308].

Рассказ Ф.В. Чижова выглядит несколько иначе: «– Да и вообще в драме Гоголь не мастер. Знаете ли, что он написал было трагедию? (Не могу утверждать, сказал ли мне Жуковский ее имя, содержание и из какого быта она была взята; только, как-то при воспоминании об этом, мне представляется, что она была из русской истории). Читал он мне ее во Франкфурте. Сначала я слушал; сильно было скучно; потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю: “Ну, брат, Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось”. – “А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь ее”, – отвечал он и тут же бросил в камин. Я говорю: “И хорошо, брат, сделал”» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 228–229].

При сопоставлении двух свидетельств прежде всего заметно, что рассказчики называют разные источники этого сообщения. А.В. Никитенко утверждает, что полученный от Ф.В. Чижова анекдот распространял сам Гоголь, в то время как Чижов ссылается на Жуковского. Очевидно, что вторая версия заслуживает большего доверия. Во-первых, трудно себе представить, чтобы Гоголь, скрывавший почти ото всех близких ему людей замысел исторической драмы, вдруг решил рассказать всем о своем уничтоженном произведении. Во-вторых, учитывая, насколько тяжело писатель переживал неудачи, он едва ли стал рассказывать о сожжении драмы. Показателен эпизод, пересказанный П.А. Кулишом со слов М.С. Щепкина: «Еще мы знаем, что Гоголь, в свой первый приезд в Москву, говорил о какой-то драме М.С. Щепкину: “Ну, Михайло Семенович, будет вам славная работа: у меня есть драма за выбритый ус, в роде *Тараса Бульбы*. Я скоро ее окончу”. Михайло Семенович имел неосторожность спросить об этой драме у

Гоголя при свидетелях. Гоголь отперся и отвечал, что никогда не говорил ничего подобного; но, выходя из комнаты, шепнул г. Шепкину: “Болтун, ничего больше не скажу!”» [Кулиш, 1861: 117]. Поэтому, скорее всего, история гибели драмы была рассказана Жуковским Чижову, а тот передал ее подробности Никитенко. В пользу этого предположения говорит и сказовая манера Чижова, которая больше похожа на речь Жуковского в его дружеских письмах к Гоголю (см. сохранившиеся в [Жуковский, 1980: 463–475]).

Склоняемся к мысли, что драма из украинской истории и есть то сожженное произведение, поскольку мы не располагаем никакой информацией о какой-либо другой исторической драме, создаваемой Гоголем в этот период. Попытаемся найти ответ на вопрос, почему историческая драма из украинской истории не понравилась Жуковскому и он задремал во время ее чтения. Прежде всего, нужно помнить о возрасте поэта, которому в 1841 г. исполнилось 58 лет, и о том, что приезд Гоголя состоялся за несколько дней до разрешения от бремени молодой жены Жуковского Е. Рейтерн. Беременность была тяжелой и закончилась преждевременно и трагически для ребенка. Любящий муж проводил ночи около постели супруги, оберегая ее покой [Жуковский, 2004: 261–262]. После ночного бодрствования он едва ли мог уделить должное внимание произведению, которое читал ему Гоголь. Именно по этой причине самый известный слушатель и критик драмы из украинской истории мог заскучать, а потом и задремать. Кроме того, несмотря на искреннюю доброжелательность Жуковского по отношению к Гоголю, их литературные взгляды и вкусы складывались в различное время и при несхожих обстоятельствах, а следовательно, не могли во всем совпадать. Эти причины могли привести к тому, что Жуковский не придал значения драме, что в глазах Гоголя было равносильно ее смертному приговору. Обратим внимание на версию сожжения, переданную цензором Никитенко, который читал перед публикацией многие произведения Гоголя и даже не пропустил в печать главы романа «Гетьман». Никитенко знал Гоголя лучше, чем Чижов, и, возможно, поэтому не воспринял серьезно слова последнего о скучности и слабости произведения, которое оба они не читали.

Не вызывает сомнения то, что драматическое произведение на сюжет из малороссийской истории было написано, а затем уничтожено автором. Однако этого не достаточно для ответа на вопрос:

была ли закончена драма, либо Жуковский, как ранее Панов в Вене, слышал несколько сцен из незаконченного труда? За более чем столетнюю историю изучения драмы было высказано несколько точек зрения на эту проблему. П.А. Кулиш вообще сомневался в том, что Гоголь продвинулся дальше предварительных набросков [Кулиш, 1861: 117]. В.И. Шенрок в «Материалах для биографии Гоголя» высказывает предположение, что Гоголь уничтожил уже написанную «драму из запорожского быта» [Шенрок, 1895: 448]. Позднее он изменил свое мнение, полагая, что это произведение так и не было завершено (об эволюции взглядов Шенрока см. [Каманин, 1911: 92]). И.М. Каманин высказывал мнение, что оно было «несомненно написано» и предлагал чрезмерно смелую реконструкцию ее сюжета [там же: 92 и сл.]. Ю.Г. Оксман считал вопрос о том, насколько Гоголь написал драму к моменту ее гибели, относящимся к числу «никогда по существу неразрешимых» [Оксман, 1926: 56].

Нисколько не претендуя на единоличное обладание истиной, выскажем несколько соображений, касающихся данной проблемы. Воспользуемся доступными сведениями о творческом процессе писателя. Из его признаний в письмах и датировки его произведений следует, что он мог трудиться над одним произведением от нескольких месяцев до нескольких лет. Время это зависело, вероятно, от физического здоровья и душевного спокойствия писателя (первое обуславливало второе, и наоборот), сложности темы (вспомним многолетние усилия, приложенные для создания I и II томов «Мертвых душ»), объема произведения (те же примеры, что и к предыдущему пункту) и интереса писателя к произведению (по-видимому, из-за этого не была написана драма «Альфред» и роман «Гетьман»). Разумеется, эти причины могли действовать на автора одновременно.

Изучим известную нам информацию о Гоголе и его творчестве во время, когда он мог создавать драму из украинской истории. Писатель в 1839-1841 гг. переживал взлеты и падения. О двух наиболее плодотворных периодах нам известно: это лето 1839 г. и осень 1840 – лето 1841 гг. Расчетный промежуток времени оказывается значительным; написать за это время драму можно, учитывая, как быстро создавался «Ревизор». Однако не следует забывать, что Гоголь трудился одновременно или с некоторыми перерывами над несколькими произведениями. Основным из них, скорее всего, были «Мертвые души». Это произведение было намного

больше и сложнее задуманной драмы, и потом у Гоголя могли возникнуть сложности с созданием драматического произведения на историческую тему. Предыдущий опыт подобного произведения – драма о времени завоевания Англии норманнами – не был завершен. Однако «Адольф» писался, когда Гоголь только вошел в литературу, и потому и его творческий метод еще не предполагал ширококомасштабных поисков исторических сведений. Кроме того, та драма была задумана о чужой стране и автор ее не мог располагать свободно информацией, в случае же с «малороссийской трагедией» Гоголь прекрасно знал героические страницы прошлого своей земли. К тому же, уже был написан «Тарас Бульба», и Гоголь имел немалый опыт изображения освободительной борьбы казаков против польского шляхетства. Автор был очень увлечен этой темой, в противном случае он не собирал бы исторические материалы и не создал бы новую редакцию «Тараса Бульбы».

Опираясь на сказанное, предположим, что Гоголь мог читать Жуковскому во Франкфурте редакцию со сложившейся композицией. Не исключено, что она была почти закончена и что Гоголь вез ее в Россию для публикации. Определить, была это черновая или беловая рукопись, не представляется возможным из-за отсутствия каких-либо свидетельств. В принципе Гоголь мог читать Жуковскому это произведение в одной из черновых редакций, если провести аналогию с творческой историей «Рима». Ранний текст «отрывка» Гоголь читал поэту в сентябре 1841 г. во Франкфурте [Жуковский, 2004: 625]. Эту редакцию он даже оставил Жуковскому, о чем гласит дневник последнего. Нам интересны здесь две записи, в которых упоминается имя Гоголя и согласно которым Жуковский 29–30 сентября н. ст. «<...> читал в спальне Гоголя» [Жуковский, 2004: 262]. По мнению комментаторов, поэт читал «скорее всего, повесть “Рим”, которую Гоголь готовил к печати» [там же: 533]. Основанием для этого предположения служит тот факт, что первую, журнальную публикацию «Рима» автор посвятил Жуковскому [там же]. В таком случае получается, что во Франкфурте поэт познакомился с черновой редакцией, поскольку Гоголь работал над этим произведением до конца февраля 1842 г. Об этом свидетельствуют письмо к М. Погодину, датированное приблизительно тем же временем [Гоголь, 1952б: 261].

Реакцию Жуковского Гоголь воспринял как свидетельство своей неспособности писать новые произведения в драматическом роде (с этого времени он занимается только обработкой написан-

ных драм). В письме от 26/14 ноября 1842 г. он сообщает Н.Я. Прокоповичу: «<...> для театра, вероятно, я ничего не произведу никогда» [Гоголь, 1952б: 118]. То, что он работал над пьесой, и то, каким был ее конец, он скрывает. Поэтому немногие люди в окружении Гоголя, знавшие о существовании драмы из украинской истории, пытались узнать о ее судьбе. В письме Гоголю от 3–5 июля 1842 года, помещенном в «Истории моего знакомства с Гоголем», этим интересуется С.Т. Аксаков: «А трагедия? Помните ли, что вы говорили мне о ней в Петербурге?.. Вы сами тогда считали ее совершеннейшим своим произведением, хотя она не была написана. Неужели толпа новых лиц, живущая в похождениях Чичикова, вероятно после вами созданная, сгладит образы и характеры лиц драмы, которые тогда (как вы сами выразились) предстали пред вами живые и одетые в полные костюмы до последней нитки?» [Гоголь в воспоминаниях современников, 1952: 157]. Ответ на это письмо не сохранился.

Подведем итоги. Недостаток биографических сведений затрудняет изучение генезиса драмы из украинской истории. Точная датировка ряда важных событий творческой истории невозможна. Ряд вопросов, связанных с этапами работы над текстом, решается на основании косвенных указаний или строится на догадках исследователей. Исходя из этих предпосылок, можно приблизительно установить хронологию создания драмы и определить этапы ее творческой истории.

I этап. *От первоначального замысла до оформившейся идеи исторической драмы.* Нижняя граница точно не известна, но не ранее второй половины 1830-х гг. Верхняя граница – лето 1839 г. в Австро-Венгрии, когда Гоголь, изучая присланные Н.Я. Прокоповичем бумаги, зажегся мыслью написать «драматическое творение» [Гоголь, 1952а: 253]. По-видимому, в это время были сделаны первые заметки на «лоскутках» бумаги, которые содержали самый общий план произведения.

II этап. *От оформившейся идеи исторической драмы до документально подтвержденного создания ее нескольких сцен.* Нижняя граница соответствует верхней границе I этапа. Верхняя граница – венское лето – римская осень 1840 г. Гоголь уже написал серию сцен, впоследствии прочитанных В.А. Панову.

III этап. *От документально подтвержденного создания ее нескольких сцен до создания цельного текста драмы.* Нижняя граница совпадает с верхней границей II этапа. Верхняя граница обо-

значена отъездом Гоголя из Рима к Жуковскому (конец августа – первые дни сентября 1841 г.). Написанная редакция сгорела в камине Жуковского в Дюссельдорфе в сентябре 1841 г.

Изучение творческой истории уничтоженной драмы об украинском казачестве далеко от завершения. Исследователям еще предстоит ответить на многие вопросы, и немалую роль в этом может сыграть обнаружение новых свидетельств. Подробно изложенная творческая история этого произведения, несомненно, повысит точность реконструкции ее сюжета и таким образом даст нам возможность с большей основательностью судить о феномене гоголевской исторической драмы.

Примечания:

1. *Вересаев, 1990: Вересаев В.В.* Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. – М., 1990.
2. *Виноградов, 2001: Виноградов И.А.* Неизвестные автографы Н.В. Гоголя // Неизданный Гоголь. – М., 2001. – С. 3-38.
3. *Георгиевский, 1908: Георгиевский Г.П.* Предисловие <к «Песням, собранным Н. В. Гоголем»> // Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. – СПб., 1908. – Вып. 2: Песни, собранные Н.В. Гоголем. – С. 1–28.
4. *Гиллельсон, 1963: Гиллельсон М.И.* Гоголь в дневниках А.И. Тургенева // Русская литература. – 1963. – № 2. – С. 138–143.
5. *Гиппиус, 1999: Гиппиус В.В.* Гоголь. – М., 1999.
6. *Гоголь, 1889а: Гоголь Н.В.* Сочинения: <В 7 т.> 10-е изд. – М., 1889. – Т. I.
7. *Гоголь, 1889б: Гоголь Н.В.* Сочинения: <В 7 т.> 10-е изд. – М., 1889. – Т. V.
8. *Гоголь, 1940: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1940. – Т. X.
9. *Гоголь, 1949: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1949. – Т. V.
10. *Гоголь, 1952а: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1952. – Т. XI.
11. *Гоголь, 1952б: Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <В 14 т.> Б. м., 1952. Т. XII.
12. *Гоголь, 1994: Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 7.
13. *Гоголь, 1996: Гоголь Н.В.* Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – М., 1994.

14. *Гоголь в воспоминаниях современников, 1952*: Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952.
15. *Жуковский, 1980*: Жуковский В.А. Сочинения: В 3 т. – М., 1980. – Т. 3.
16. *Жуковский, 2004*: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – М., 2004. – Т. XIV.
17. *Каманин, 1902*: Каманин И.М. Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии // Памяти Гоголя. – Киев, 1902. – С. 75-132.
18. *Каманин, 1911*: Каманин И.М. Несколько слов об исторической драме Н.В. Гоголя // Памяти Н.В. Гоголя: Сборник речей и статей, изданный Императорским университетом Св. Владимира. – Киев, 1911. – С. 91-98.
19. *Катранов, 1909*: Катранов Б. Гоголь и его украинские повести // Филологические записки. – 1909. – Вып. I. – № 6. – С. 33-58.
20. *Кольцов, 1955*: Кольцов А.В. Сочинения. – М., 1955.
21. *Красильников, 1936*: Красильников С.А. Источники собрания украинских песен Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования: <В 2 кн.> М.; Л., 1936. – Кн. 2. – С. 377-406.
22. *Кулиш, 1861*: Кулиш П. Заметки и наброски Н.В. Гоголя для драмы из украинской истории. Несколько объяснительных слов // Основа. – М., 1861. – Январь. – С. 116-120.
23. *Литературное наследство, 1952*: Литературное наследство. – М., 1952. – Т. 58.
24. *Марков, 1908*: Марков А. Песни, собранные Н.В. Гоголем // Этнографическое обозрение. – 1908. – № 4. – С. 166-169.
25. *Оксман, 1926*: Оксман Ю. Сожженная трагедия Гоголя из прошлого Запорожья // Атены. – Л., 1926. – Кн. 3. – С. 46-58.
26. *Письма к Позодину, 1879*: Письма к М.П. Позодину из славянских земель (1835–1861). – М., 1879. – Вып. I.
27. *Путевые письма, 1892*: Путевые письма И.И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. – 1892. – Вып. I. – С. 49-89.
28. *Соколов, 1909*: Соколов Б. Гоголь – этнограф (Интересы и занятия Гоголя этнографией) // Этнографическое обозрение. – 1909. – № 2-3. – С. 59-119.
29. *Сперанский, 1902*: Сперанский М.Н. Гимназия высших наук в нежинский период жизни Н.В. Гоголя. – Киев, 1902.
30. *Шенрок, 1893*: Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: <В 4 т.> М., 1893. – Т. 2.

31. *Шенрок, 1895: Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: <В 4 т.> М., 1895. – Т. 3.

32. *Karpuk, 1997: Karpuk P.* Reconstructing Gogol's Destroyed Tragedy on a Theme from the History of Zaporozhe // The Slavic and East European Journal. Tucson (AZ), 1997. – Vol. 41. – № 4. – P. 580-603.